

УДК 821.161.1
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-79-85

КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Иван Валерьевич Бурдин

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. burdin@post.cz

SPIN-код: 5274-2379

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4378-4338>

Статья поступила в редакцию 15.04.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бурдин И. В. Концепт «чай» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 79–85. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-79-85

Please cite this article in English as:

Burdin I. V. Kontsept «chay» v poeme N. V. Gogolya «Mertvye dushi» [The Concept ‘Tea’ in the Poem ‘Dead Souls’ by Nikolai Gogol]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 79–85. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-79-85 (In Russ.)

Статья посвящена исследованию концепта «чай» в произведении Н. В. Гоголя «Мертвые души». Выделены основные репрезентации изучаемого концепта в поэме, определено значение чаепития для сюжета и композиции произведения, представлены выводы о символическом значении чая в «Мертвых душах». Сопоставление реализации концепта «чай» в поэме с реализацией этого концепта в других произведениях Н. В. Гоголя («Ревизор», «Невский проспект», «Портрет», «Нос», «Шинель» и др.) позволило сделать вывод об особой роли чая в поэме «Мертвые души». Актуализация изучаемого концепта в тексте поэмы соотнесена с литературным и историческим контекстом, показано, в чем заключается новаторство Н. В. Гоголя, выявлены особенности гоголевского литературного чаепития.

В поэме «Мертвые души» автор особое внимание уделяет угощениям на столах помещиков. При этом роль чая оказывается существенно более значительной, чем роль прочих угощений, напиток присутствует в каждой главе. Чай подчеркивает контрасты в тексте, позволяет автору сделать гротеск более ярким, проиллюстрировать мотив пути, служит выразительной бытописательской деталью. Основными репрезентациями концепта «чай» в поэме являются: «элемент гостеприимства», «атрибут дружеского общения», «чай как товар», «чай как элемент роскоши», «чай как часть алкогольной культуры».

Чай неразрывно связан с ключевым символическим лейтмотивом произведения – дорогой. Репрезентация «чай как атрибут путешествия» сближает поэму Н. В. Гоголя с другими текстами русской литературы, в которых чай входит в семантическое поле «дорога», а сам путь наделяется символическим значением.

Ключевые слова: концепт; репрезентация; русская литература; поэма; реконструкция; концептосфера.

Гастрономические привычки Н. В. Гоголя не раз становились предметом исследования. Описывают их, в частности, биографы и современники писателя. Так, М. П. Погодин в «Записках» изображает процесс «вкушения» Н. В. Гоголем макарон: «Вот приносятся макароны в чашке, открывается крышка, пар повалил оттуда клубом. Гоголь бросает масло, которое тотчас рас-

плывается, посыпает сыром, становится в позу, как жрец, готовящийся совершать жертвоприношение, берет ножик и начинает разрезать...» [Погодин 1865: 887] При этом биографические источники не сообщают никаких сведений о любви Н. В. Гоголя к чаю.

Такой информационный вакуум, однако, не послужил для производителей чая препятствием

к тому, чтобы выпустить напиток, названный в честь Н. В. Гоголя. Травяной сбор «Гоголь», содержащий листья малины, смородины, ежевики и черной рябины, выпускается под брендом «Домашние истории» [https://vsedrugoeshop.ru/catalog/chay/chay_v_korobke_gogol/]. Любовь классиков русской литературы, в том числе Н. В. Гоголя, к чаю, не раз становилась предметом исследования ученых [Барыбин, Давыдова 2005; Бахтадзе 1961; Бурдин 2021; Коваль 2009; Спиридонова 2020; Цзоу 2007; Якушева 2009].

В произведениях Гоголя чай, возникая чаще всего в гастрономическом или в экономическом аспекте, как правило, органично связывается с сюжетом произведений. Примером этому могут служить знаменитые «Петербургские повести» Гоголя. В повести «Невский проспект» (1833–1834) питье чая (упоминаемого вместе с кофе) выступает неотъемлемой частью жизни главной улицы Санкт-Петербурга. Чай на Невском проспекте пьют как состоятельные горожане, так и менее обеспеченные слои населения. Характерные для русской литературы иллюстрации аристократического чаепития соседствуют в повести с упоминанием чая как любимого напитка бедных «петербургских художников», которые пьют «чай с двумя приятелями своими в маленькой комнате», когда они скромно толкуют о своем любимом предмете (то есть живописи), и вовсе «небрегуши об излишнем» (3: 12)¹.

В повести «Портрет» (1832–1842) упоминание чая сопряжено с двумя значимыми в судьбе главного героя моментами: с попыткой хозяина дома, который в старости «...уже не щеголял, не хватал, не задирался, любил только пить чай и болтать за ним всякий вздор», выселить художника из квартиры (3: 79), и с размышлениями Чарткова о будущей жизни: «Теперь я обеспечен, по крайней мере, на три года, могу запереться в комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обед, на чай, на содержанье, на квартиру есть; мешать и надоедать мне теперь никто не станет...» (3: 82).

В повести «Записки сумасшедшего» (1834) упоминание чая встречается в эпизодах, иллюстрирующих безумие героя. В частности, Аксентий Иванович приводит слухи о животных, обладающих человеческими качествами, рассказывая о их любви к заморскому напитку: «Я читал тоже в газетах о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю» (3: 18). В другом месте повести автор воспроизводит переписку двух собачек Фидель и Меджи, в которой также содержится упоминание чая; чай выступает здесь показателем особого «аристократического» положения одной из собачек: «Я пью чай и кофий со сливками. Ах, machere, я должна тебе сказать,

что я вовсе не вижу удовольствия в больших обглоданных костях, которые жрёт на кухне наш Полкан» (3: 192). Описание того, как животные пьют чай и рассуждают о нем, подчеркивает необычность и нестандартность мышления Сумасшедшего и его отход от привычного и традиционного поведения, принятого окружающим обществом. Кроме того, в приведенных фрагментах видится характерное для Н. В. Гоголя высмеивание устоявшихся в российском обществе традиций аристократического чаепития.

В повести «Нос» (1836) уже сам факт упоминания заведения «Кушанье и чай» (3: 49) достаточно красноречиво характеризует повседневный российский быт; «несколько фунтов чаю или сукна» (3: 81) интерпретируется как хороший подарок официальному лицу (хотя и несколько уступающий деньгам); предложение «выкушать» совместно «чашечку чаю» воспринимается как благодарность за «большую приятность» (3: 65).

Главный герой повести «Шинель» (1841) Акакий Акакиевич Башмачкин, вступая на путь экономии, вызванной необходимостью сшить новую шинель, решает в первую очередь отказаться от чая: «Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи...» (3: 148). В этом же произведении употребление чая показывается как органичная часть досуга петербургских чиновников – «время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копейными сухарями <...>, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек...» (3: 140), поэтому отказ Акакия Акакиевича от чаепития может интерпретироваться и как временный выход из своего сословия. Примечательно, что после появления у героя новой шинели его приглашают принять участие в коллективном чаепитии: «...Один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя, сказал: “Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник”. Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотою предложение» (3: 151). Посещение Акакием Акакиевичем этого мероприятия становится для него роковым, поскольку драгоценную шинель отнимают у него при возвращении с этого чаепития.

Таким образом, уже в «Петербургских повестях» можно заметить определенную закономер-

ность, связанную с обращением Гоголя к мотивам чая и чаепития. Как правило, концепт «чай» появляется в тексте тогда, когда необходимо подчеркнуть материальное положение и сословную принадлежность героев, одновременно они способствуют экспликации наиболее значимых для развития сюжета моментов. Концепт «чай» играет совершенно особую роль в повестях: будучи фоновой деталью и занимая, казалось бы, незначительное пространство в тексте, чай, тем не менее, возникает в самые яркие моменты и подталкивает сюжет к дальнейшему развитию и кульминации.

Упоминается чай и в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор»: «Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар» (4: 31), – сетует Городничий. «В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик, – оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай». В этих словах Городничего чай упоминается не только как напиток, но и в связи с традицией оставлять «на чай», т. е. давать чаевые. При этом оба значения слова связаны не только между собой, но и с предыдущей репликой героя о чае: два целковых, оставленных в качестве чаевых, являются достаточно щедрыми «бонусом», а следовательно, на них действительно можно приобрести чай.

Примечательно, что чай не упоминается в таких произведениях Н. В. Гоголя, как «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Женитьба». Этот факт вписывается в сложившееся в русской культуре и литературе противостояние: там, где есть «горилка», нет места чаю, и наоборот. О подобной борьбе двух напитков пишет крупнейший исследователь чая и водки в России В. В. Похлебкин: «между водкой и чаем как бы существует некое скрытое соперничество и ведется как бы скрытая борьба за распространение и «влияние» в народе» [Похлебкин 1995: 8].

Особую роль концепт «чай» играет в поэме «Мертвые души». Еда в произведении неоднократно становилась предметом внимания исследователей, ученые говорили о ее «важности и значимости в композиционной структуре художественного текста» [Николаева 2018: 182]. Однако концепт «чай» в поэме «Мертвые души» специально не исследовался. При этом именно чай является в произведении некой «константой»: этот напиток подается на стол каждого помещика и присутствует в каждой главе.

Чай упоминается уже в первых строках «Мертвых душ». Описывая гостиницу уездного города NN, в которой останавливается Чичиков, Гоголь замечает: «купцы по торговым дням приходили сюда сам-шест и сам-сём испивать свою известную пару чаю» (5: 7). Примечательно, что

чай в этом фрагменте неразрывно связан с купеческим сословием, несмотря на то что в литературе периода 1840-х гг. чай уже не является неизменным атрибутом жизни купцов. «Чай как атрибут купеческого быта» – эта, одна из ключевых репрезентаций концепта «чай» литературы рубежа XVIII и XIX вв., возникая уже в самом начале поэмы, подготавливает тем самым все дальнейшие неожиданные и нелогичные путешествия во времени, которые на протяжении всего произведения будут сопровождать читателя.

Исследователи характеризуют художественное время поэмы как парадоксальное, отмечая, что сюжет поэмы существует «вне времени»; парадоксы подчеркивают вневременной характер произведения. «Странные метаморфозы и алогичные деформации изображенного Гоголем времени делают невозможной его правдоподобную конкретизацию и усиливают “неопределенность”, так что время года действительно “неизвестно”» [Кривонос 2011: 237]. Неожиданную связь чая с купеческим сословием в поэме «Мертвые души» также возможно внести в список подобных парадоксов, важных для реализации замысла произведения.

Отдельно следует уточнить, что именно представляла собой «пара чая», о которой пишет Н. В. Гоголь. Вопреки очевидной ассоциации, это не две чашки чая, а способ сервировки, предполагающий подачу двух чайников – заварочного и с кипятком. Подробно питание чая «парами» описывает П. И. Мельников-Печерский, отмечая, что пары подавались по числу гостей: «Они угощались двенадцатью парами чая» [Мельников-Печерский 1998: 30]. Упоминание в тексте подобного «сервиза» позволяет говорить о китайских мотивах в чаепитии Н. В. Гоголя; как известно, именно таким образом принято пить китайские сорта чая, предусматривающие многократную заварку. Подобная традиция существует и в наши дни, с той лишь разницей, что вместо чайника с кипятком используется термос.

Продолжая описание гостиницы, Н. В. Гоголь уподобляет чайные чашки птицам-чайкам. «Половой бегал по истертым клеенкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу; те же картины во всю стену, писанные масляными красками» (5: 7). Представленный в данном фрагменте гостиничный быт позволяет сделать вывод об огромной популярности чая, хотя первоначально он был заявлен как исключительно купеческий напиток. «Летающие» подносы с большим количеством чашек говорят о том, что чай был самым востребованным напитком в гостинице.

В главе, посвященной Манилову, чай упоминается дважды. Причем чай здесь выступает в качестве такой детали, без которой умиротворенный, погруженный в мечты дух этого помещика проиллюстрировать невозможно. Описывая распорядок дня приказчика Манилова, Н. В. Гоголь отмечает: «А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай» (5: 31). Н. В. Гоголь высмеивает приказчика – крестьянина, добравшегося до власти. Традиционная для литературы XIX в. репрезентация концепта «чай» «как элемент роскоши» приобретает здесь особое, гротескное звучание. Стремление героя сделать самовар неизменной частью своего быта, вкупе с прочими особенностями поведения героя, предстает у Гоголя как некая пародия на аристократический образ жизни, что, собственно, и помогает понять сущность маниловского приказчика.

Чай становится той деталью, которая помогает придать иронический оттенок размышлениям о жизни и самого Манилова: «Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах» (5: 37). В мечтах Манилова о благополучии неизменно присутствует чай. В данном фрагменте актуализируется целый ряд репрезентаций: «чай как отдых», «чай как атрибут дружбы» и, в меньшей степени, «чай как элемент роскоши».

Чай оказывается на столе и у следующего помещика – Коробочки. «– А с чем прихлебнете чайку? Во фляжке фруктовая» (5: 47), – спрашивает хозяйка Чичикова, имея в виду настоящую на фруктах водку. Вопреки ожиданиям читателя, «с чем» означает «с каким спиртным напитком», а не «с какой закуской» будет подан чай. В этом отрывке актуализируется классическая для русской литературы репрезентация «чай как часть алкогольной культуры».

«– Недурно, матушка, хлебом и фруктовой. Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большою свободою, нежели с Маниловым, и во все не церемонился» (5: 47). Автор поясняет, что часть вкупе с фруктовой может служить символом особой близости, здесь мы видим реализацию репрезентации «чай как атрибут дружеского общения». «У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести

душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста...» (5: 47), – далее размышляет Н. В. Гоголь. Внимательный читатель может добавить, что не только говорить, но и чай пить иначе будет такой «мудрец».

Чай возникает и при посещении Чичиковым Ноздрева: «Чичиков ушел в комнату одеться и умыться. Когда после того вышел он в столовую, там уже стоял на столе чайный прибор с бутылкою рома» (5: 83). Примечательно, что и здесь чайный прибор соседствует с ромом. Такая особенность чаепития (с алкоголем), по Гоголю, должна свидетельствовать об особой близости чаевников.

Впервые появившееся в главе, посвященной Коробочке, соседство чая с горячительными напитками сохраняется и в последующих главах, что служит раскрытию основной идеи произведения. Н. В. Гоголь замыслил «Мертвые души» как некую лестницу, поэтому логично, что детали быта первого помещика сохраняются или усиливаются в последующих главах.

Описав чайный стол, автор переходит к общему виду столовой Ноздрева: «В комнате были следы вчерашнего обеда и ужина; кажется, половая щетка не притрагивалась вовсе. На полу валялись хлебные крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти» (5: 83). Здесь чаепитие в лучших традициях русской литературы и культуры соседствует с другой пришедшей из Европы привычкой – табакокурением. Однако если чайную атрибутику автор изображает достаточно живописно, то от табака в «Мертвых душах» остается лишь зола, лежащая прямо на скатерти и свидетельствующая о неряшливости помещика, с одной стороны, и запущенности хозяйства – с другой.

Наиболее ярко, гротескно и в то же время тонко и точно чай представлен в главе, посвященной центральному герою – Плюшкину. «– А что, вы уж собираетесь ехать? – сказал он, заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для того только, чтобы достать из кармана платок. Этот вопрос напомнил ему, что в самом деле незачем более мешкать. – Да, мне пора! – произнес он, взявшись за шляпу. – А чайку? – Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время. – Как же, а я приказал самовар» (5: 129). Неловкий и неуместный намек на желание выпроводить гостя Плюшкин тут же пытается завуалировать дежурным предложением выпить чай. Впрочем, упоминание о чае в качестве знака гостеприимства быстро сменяются менее возвышенными рассуждениями: «Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси

Мавре, слышишь: пусть его положит на то же место, или нет, подай его сюда, я уже снесу его сам. Прощайте, батюшка, да благословит вас Бог, а письмо-то председателю вы отдайте» (5: 129). Плюшкин мастерски актуализирует в своей речи репрезентации концепта «чай», отождествляющие этот напиток с общением, гостеприимством и дружбой. Однако напиток на столе так и не появляется. От высоких материй Плюшкин быстро переходит к репрезентации «чай как товар». Причем актуализируется она в самой очевидной своей форме, довольно редкой для русской литературы в целом и творчества Н. В. Гоголя в частности: герой рассуждает о ценах на сам напиток, а также на сахар, с которыми состоятельные люди привыкли пить чай. Примечательно, что в главе о Плюшкине образ чая сопровождается упоминанием не табака и не фруктовой, а сухаря – главного символа плюшкинского быта. Такое сочетание: дорогой чай со старым сухарем – можно назвать вершиной, выстроенной на контрастах гоголевской поэтики.

Концепт «чай» является ключевым для раскрытия образа Плюшкина – «прорехи на человечестве». Через чай как символ общения раскрывается отношение героя к людям, а репрезентация «чай как товар» позволяет воссоздать портрет Плюшкина, подчеркивая все пороки персонажа. Обращение к чаю в главе, посвященной Плюшкину, построено на контрасте: показного и истинного, гостеприимства и жадности, богатства и бедности, духовного и материального, возвышенного и низменного.

Чай сопровождает Чичикова и в гостинице: «Поздно уже, почти в сумерки, возвратился он к себе в гостиницу, из которой было вышел в таком хорошем расположении духа, и от скуки велел подать себе чаю» (5: 213). Здесь возникают классические для русской литературы репрезентации: «чай как таймкиллер», «чай как атрибут путешествия». Едва Чичиков приступил к чаепитию, на пороге появился Ноздрев: «Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю себе, зайду, верно, не спит. А! вот хорошо, что у тебя на столе чай, выпью с удовольствием чашечку» (5: 213). Чай вновь выступает точкой опоры, вокруг которой разыгрывается комическое воплощение гостеприимства в «Мертвых душах». Имплицитно в этих отрывках присутствует и репрезентация «чай как товар»: Чичиков неслучайно пьет дорогостоящий напиток от скуки, а Ноздрев выражает готовность подкрепиться чаем за чужой счет. «Прикажи-ка мне набить трубку! Где твоя трубка?» (5: 213) – заявляет Ноздрев, чай здесь вновь соседствует с табаком. При этом сам Чичиков не курит. Можно предположить, что готовность героя разделить чайную трапезу, но

не «трубку», свидетельствует о его неискренности, скрывающейся за внешним гостеприимством. Такой вывод позволяет сделать существовавшее в России XIX в. отношение к табаку: «В обществе же в целом отношение к табаку было весьма снисходительное, к тому же, многие считали его невинной – и безвредной – забавой. (...) Не курили в ту пору в Петербурге разве священнослужители и старообрядцы» [Богданов 2007: 13].

Чай, причем чай как знак гостеприимства, гостеприимства настоящего, искреннего, а не показного, присутствует и в жизнеописании главного героя. Узнав, в какую церковь приходила дочь повыходки по воскресным дням, герой «становился всякий раз насупротив ее, чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, – и дело возымело успех: пошатнулся суровый повыходчик и зазвал его на чай!» (5: 231)

Таким образом, концепт «чай» актуализируется в большинстве произведений Н. В. Гоголя. И в «Петербургских повестях», и в комедии «Ревизор» детали, связанные с чаепитием, позволяют воссоздать атмосферу эпохи и места действия, будь то элитарные столичные заведения или провинциальная гостиница. Чай подчеркивает контрасты в тексте, позволяет автору сделать гротеск более ярким, служит выразительной бытописательской деталью.

Наиболее значимым как для сюжета, так и для поэтики произведения является концепт «чай» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». «Стремясь объективно показать людей того времени, уклад и быт их жизни, Гоголь использует детальное описание, портретную характеристику, интерьер, говорящие фамилии, а также образы еды» [Николаева 2018: 183], – пишет современный исследователь. Огромное внимание в поэме автор уделяет угощениям, среди которых обязательно присутствует и чай. Более того, роль чая в «Мертвых душах» гораздо более значительна, чем роль прочих угощений. Ключевыми репрезентациями концепта в поэме являются следующие: «чай как элемент гостеприимства», «чай как атрибут дружеского общения», «чай как товар», «чай как элемент роскоши», «чай как часть алкогольной культуры». Чаепитие характеризует героев поэмы, атрибуты чайной трапезы становятся яркими деталями, иллюстрирующими быт того или иного помещика. Помещики в «Мертвых душах» не похожи друг на друга, но в каждом доме Чичикова сопровождает чай.

Чай неразрывно связан с ключевым символическим лейтмотивом произведения – дорогой. Репрезентация «чай как атрибут путешествия» сближает поэму Н. В. Гоголя с другими текстами русской литературы, в которых чай входит в се-

мантическое поле «дорога», а сам путь наделяется символическим значением. Чай пьет Печорин в путешествии по Кавказу в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова, чай пьет автобиографический герой Н. М. Карамзина в «Письмах русского путешественника». При этом в «Письмах» чай является одновременно и «дорожным», и «домашним» напитком. «Чай выступает не просто как атрибут собственного дома, фактически автор приравнивает чай и кофе к домохозяйству» [Бурдин, Бурдина 2019: 175]. Примечательно, что как в «Письмах», так и в «Мертвых душах» чай наделяется амбивалентной природой, выступая одновременно и как атрибут дороги, и как незаменимый продукт в любом хозяйстве.

В поэме встречается ряд примеров, где традиции чаепития героев подвергаются осмеянию автором. Н. В. Гоголь сатирически описывает умеренное потребление чая постояльцами гостиниц, излишнюю любовь к чаю маниловского приказчика, высмеивает «элитные» пристрастия героев. Гротескно представлено и несостоявшееся чаепитие у Плюшкина, который считает чай дорогим продуктом, однако же изображает готовность его подать, намекая гостю на необходимость как можно быстрее ретироваться. Свообразным продолжателем традиции Н. В. Гоголя изображать питье чая комически станет А. Н. Островский, в его «Женитьбе Бальзамина» напиток показан как неотъемлемый атрибут замоскворецкого быта, который в пьесе подвергается осмеянию.

Примечание

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводится ссылка на издания из списка источников с указанием номера тома и страницы.

Список источников

- Гоголь Н. В. Мертвые души // Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1984. Т. 3. 335 с.
Гоголь Н. В. Мертвые души // Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1984. Т. 4. 336 с.
Гоголь Н. В. Мертвые души // Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1984. Т. 5. 319 с.

Список литературы

- Барыбин Е. В., Давыдова Ю. С. Искусство чайной церемонии. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 185 с.
Бахтадзе К. Е. Развитие культуры чая в СССР. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1961. 116 с.
Богданов И. А. Дым Отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 50 с.
Бурдин И. В. Чай и чаепитие в повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома»

// Континентальные глаголы: Альманах международного клуба. Пермь, 2021. С. 78–83.

Бурдина С. В., Бурдин И. В. Художественный концепт «чай» в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Филологический аспект. 2019. № 11(55). С. 172–176.

Кривонос В. Ш. Временная структура поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 237–255.

Мельников-Печерский П. Т. На горах. М.: Эксмо, 1998. 268 с.

Николаева Э. Е. Концепт еды в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Мировая литература глазами современной молодежи. Магнитогорск: МГПИ, 2018. С. 182–185.

Погодин М. П. Записки (фрагмент) // Русский Архив. М.: Типография В. Грачева и Комп., 1865. Вып. 7(12). С. 887–894.

Похлебкин В. В. Чай и водка в истории России. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1995. 111 с.

Спиридонова И. Н. Традиции чаепития в России URL: <http://inspir52.ya.ru/4548> (дата обращения: 28.05.2020)

Цзоу С. Национально-культурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому как иностранному китайских студентов // Известия РГПУ им. Герцена. 2007. № 1. С. 437–441.

Якушева Л. А. Русское чаепитие как текст повседневной культуры. // Аналитика культурологии. 2009. Вып. 3(15). С. 214–217.

References

- Barybin E. V., Davydova Yu. S. *Iskusstvo chaynoy tseremonii* [The Art of the Tea Ceremony]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2005. 185 p. (In Russ.)
Bakhtadze K. E. *Razvitie kul'tury chaya v SSSR* [The Development of Tea Culture in the USSR]. Tbilisi, Georgian Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 116 p. (In Russ.)
Bogdanov I. A. *Dym Otechestva, ili Kratkaya istoriya tabakokureniya* [Smoke of the Fatherland, or Brief History of Tobacco Smoking]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 50 p. (In Russ.)
Burdin I. V. Chay i chaepetie v povesti F. M. Dostoevskogo 'Zapiski iz mertvogo doma' [Tea and tea drinking in the story 'The House of the Dead' by F. M. Dostoevsky]. *Kontinental'nye glagoly: Al'manakh mezhdunarodnogo kluba* [Continental Verbs: Almanac of the International Club]. Perm, Perm State University Press, 2021, pp. 78–83. (In Russ.)
Burdina S. V., Burdin I. V. *Khudozhestvennyy kontsept 'chay' v 'Pis'makh russkogo puteshestvennika'* N. M. Karamzina [Artistic concept 'tea' in

'Letters of Russian Traveler' by N. M. Karamzin]. *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], 2019, issue 11(55), pp. 172–176. (In Russ.)

Krivosos V. Sh. Vremennaya struktura poemy N. V. Gogolya 'Mertvye dushi' [The temporal structure of the poem 'Dead Souls' by N. V. Gogol]. *Romantizm vs realizm: paradigmy khudozhestvennosti, avtorskie strategii: sbornik nauchnykh statey: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora I. A. Dergachova* [Romanticism vs Realism: Paradigms of Artistry, Authors' Strategies: collection of scientific articles: On the occasion of the 100th anniversary of the birth of Professor I. A. Dergachev]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2011, pp. 237–255. (In Russ.)

Mel'nikov-Pecherskiy P. T. *Na gorakh* [On the Mountains]. Moscow, Eksmo Publ., 1998. 268 p. (In Russ.)

Nikolaeva E. E. Kontsept edy v poeme N. V. Gogolya 'Mertvye dushi' [The concept of food in the poem 'Dead Souls' by N. V. Gogol]. *Mirovaya literatura glazami sovremennoy molodezhi* [World Literature through the Eyes of Modern Youth]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Pedagogical Institute Press, 2018, pp. 182–185. (In Russ.)

Pogodin M. P. Zapiski (fragment) [Notes (fragment)]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive], 1865, issue 7(12), pp. 887–894. (In Russ.)

Pokhlebin V. V. *Chay i vodka v istorii Rossii* [Tea and Vodka in the History of Russia]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1995. 111 p. (In Russ.)

Spiridonova I. N. *Traditsii chaepitiya v Rossii* [Traditions of Tea Drinking in Russia]. Available at: <http://inspir52.ya.ru/4548> (accessed 28.05.2020). (In Russ.)

Tsou S. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kontsepta 'chay' i ee uchet v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu kitayskikh studentov [National and cultural features of the concept of 'tea' and taking it into account when teaching Russian as a foreign language to Chinese students]. *Izvestiya RGPU im. Gertsina* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2007, issue 1, pp. 437–441. (In Russ.)

Yakusheva L. A. Russkoe chaepitie kak tekst povsednevnoy kul'tury [Russian tea drinking as a text of everyday culture]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies], 2009, issue 3(15), pp. 214–217. (In Russ.)

THE CONCEPT 'TEA' IN THE POEM 'DEAD SOULS' BY NIKOLAI GOGOL

Ivan V. Burdin

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. burdin@post.cz

SPIN-code: 5274-2379

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4378-4338>

Submitted 15.04.2021

The article deals with the concept of 'tea' in the poem by Nikolai Gogol *Dead Souls*. The main representations of this concept in the poem are identified, its influence on the plot and the composition is determined, conclusions about the symbolic meaning of tea in *Dead Souls* are provided. Representations of the concept of 'tea' in the text of the poem are compared with the representations of the studied concept in other works by Gogol such as *The Government Inspector*, *Nevsky Prospekt*, *The Portrait*, *The Nose*, *The Overcoat* and others, which made it possible to draw a conclusion about the special role of tea in *Dead Souls*. The actualization of the studied concept in the text is compared with the literary and historical context, it is shown what Gogol's innovativeness lies in, the features of the Gogol literary tea drinking are identified.

In *Dead Souls*, the author pays special attention to treats, with the role of tea still being more significant than the role of other treats. Tea emphasizes the contrasts in the text, allows the author to make the grotesque brighter, illustrates the motive of the road, and serves as a vivid household detail. Key representations of the concept of 'tea' in the poem are: 'an element of hospitality', 'an attribute of friendship', 'tea as a commodity', 'tea as an element of luxury', 'tea as part of alcohol culture'.

Tea is inextricably connected with the key symbolic leitmotif of the work – the motive of the road. The representation of 'tea as an attribute of travel' brings the Gogol's poem closer to other texts of Russian literature where tea is part of the semantic field 'road', and the path itself is endowed with a symbolic meaning.

Key words: concept; representation; Russian literature; poem; reconstruction; conceptosphere.